

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

ШУЛЬГА М. В.

К ИСТОРИИ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ГЕНИТИВА

1. На протяжении письменной истории русского языка в развитии формы родительного падежа единственного числа у существительных мужского рода отчетливо выделяются по крайней мере три хронологических этапа, каждому из которых свойственно свое распределение синонимичных флексий *-а* и *-у*. Мы остановимся на двух древнейших, охватывающих период до середины — конца XVII в. Это то время, в которое, на наш взгляд, обнаруживается внутренняя связь между оформлением род. падежа и развитием категории числа. Соответственно и рубежом между первым и вторым этапами в функционировании флексий *-а* и *-у* является наиболее важный формальный рубеж в развитии категории числа — переход от трехчленной системы числовых противопоставлений (ед. — дв. — мн. число) к двучленной (ед. — мн. число).

Наше понимание данного вопроса отличается от имеющихся в лингвистической литературе интерпретаций, однако это скорее попытка объединить существующие точки зрения, чем их оспорить. Мы опираемся большей частью на собственные наблюдения над языком древнерусской письменности, в частности над материалами картотеки Словаря древнерусского языка XI—XIV вв. (в дальнейшем — СДР), частными скорописными документами старорусского периода из архивов Государственного исторического музея и Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Но ни в чем существенном эти наблюдения не расходятся с обобщениями материала, имеющимися в огромнейшей литературе по истории род. падежа.

Сначала о том соотношении флексий в форме род. падежа, которое отражено в древнерусской письменности, в языке памятников XI, XII, XIII, отчасти и XIV вв.

Необходимо сразу же оговориться, что традиционная постановка вопроса — об уникальности такого широкого морфологического резонанса немногочисленной группы* *и*-основ, какой обнаруживается в род. падеже, — оказывается совершенно неправомерной по отношению к древнерусскому периоду, если рассматривать это явление в ряду других процессов, связанных с взаимодействием существительных на **-ѡ* и на **-ѧ*, и с учетом тенденций, обусловивших это взаимодействие. Однако что имеется в виду под тенденциями и о каких процессах идет речь? Очевидно, что взаимодействие основ на **-ѡ* и на **-ѧ* связано с развитием категории рода. Оно осуществлялось как объединение форм мужского рода в их противопоставлении формам немужского рода. Устранение различий в склонении, не мотивированных с позиций грамматического рода, устанавливало более однозначные соответствия между родом и склонением и тем самым укрепляло морфологические позиции категории рода (о различных проявлениях этой зависимости в системе склонения см. [1]). Участие грамматического рода удостоверяют (А) характер взаимодействия форм и (Б) зависимость

между употребительностью флексии и ее родоразличительными возможностями.

А. Взаимодействие основ на *-*ō* и на *-*ā* наблюдалось не только в род. падеже ед. числа, но во всех (в каждой без исключения) формах ед., дв. и мн. числа, где исконно имелись различия между парадигмами типа *плодъ* и *медъ* (фактический материал из письменности XI—XIV вв., послуживший основой для этого утверждения, см. в [2]). Такой характер унификации форм существительных одного и того же грамматического рода предопределен структурой родовых противопоставлений: род имени существительного выражается не в какой-либо падежной форме, а только в парадигме, во всей совокупности падежно-числовых форм, поэтому и унификация по роду — это унификация парадигм, а не отдельных падежных форм (подробнее см. [3]).

Б. В соответствии с тенденцией, обусловившей взаимодействие основ на *-*ō* и на *-*ā*, наиболее широкое распространение в древнерусском языке получают новообразования с флексиями *-*ā*-основ, маркированными в отношении грамматического рода, т. е. с флексиями, которые встречаются только у слов мужского рода. Такими были флексии Р. ед. и М. ед. -*у*, И. мн. -*оуе*, Р. мн. -*оуѣ*¹. При этом в формах М. ед. и Р. мн. новые флексии имели то преимущество, что теснили позиции флексий, в отношении рода не маркированных (в М. ед. флексиями -*ѣ* и -*и* и в Р. мн. флексиями -*ѣ* и -*ь* оформлялись существительные не только мужского, но также женского и среднего рода, причем самых продуктивных словозменительных моделей: *странѣ*, *земли*, *кости*; *селѣ*, *поли*), а в Р. ед. и И. мн. ими вытеснялись двузначные в отношении рода флексии (флексия Р. ед. -*а* функционировала в кругу слов муж. и ср. рода: *плода*, *села*; флексия И. мн. -*и* — в кругу слов муж. и жен. рода: *плоди*, *кости*). Этим, по-видимому, был предопределен особо высокий удельный вес древнерусских новообразований в формах Р. и М. ед., И. и Р. мн.

В Т. мн. флексии -*ѣми*/*-ѣми* в прослеживаемый по памятникам период были связаны с женским и мужским грамматическим родом (*сынѣми*, *гостьѣми*; *костьѣми*, *матерьѣми*). Ср. исконные для парадигмы типа *плодъ* флексии Т. мн. -*ѣи*/*-ѣми*, связывавшиеся с мужским и средним грамматическим родом (*плоды*, *кони*; *сѣлы*, *поли*, *имѣны*). С позиций морфологического выражения грамматического рода вряд ли омонимия форм муж. и жен. рода (при Т. мн. на -*ѣми*/*-ѣми*) была предпочтительней омонимии форм муж. и ср. рода (при флексиях -*ѣи*/*-ѣи*). Не потому ли флексии -*ѣми*/*-ѣми* на месте исконных -*ѣи*/*-ѣи* значительно уступают в активности флексиям других падежей, маркированным в отношении рода?

В М. мн. флексиях -*ѣхъ*/*-ѣхъ* была трехродовой, т. е. внеродовой (*сынѣхъ*, *гостьѣхъ*, *каменьѣхъ*, *костьѣхъ*, *небесѣхъ*), в то время как вариантная флексия -*ѣхъ*/*-ихъ* была ограничена словами мужского и женского грамматического рода. Может быть, поэтому в конкуренции с флексией *-*ā*-основ последняя удерживала в древнерусском языке свои позиции значительно прочнее, чем любая другая из исконных флексий парадигмы типа *плодъ*.

В материалах картотеки СДР XI—XIV вв.² соотношение словоупот-

¹ Оставляем в стороне формы дат. и твор. падежей ед. числа и звательную форму с их исконным противопоставлением типа *медѣмъ* — *плодамъ*, *медови* — *плоду*, *меду* — *плоде*. Взаимодействие этих форм — процесс более ранний, в основном дописменный (подробней см. [2, с. 5—8; 4]), его ход в необходимых деталях на нашем материале уже не восстанавливается.

² В картотеке зафиксированы все употребления каждого слова в древнерусских памятниках, определенных списком [5].

реблений по моделям на *-i и на *-ъ удивительнейшим образом соответствует родоразличительному статусу каждого варианта в каждой падежной форме. У существительных с односложной основой, особенно часто (не менее, чем в половине словоупотребления, а в среднем в 73% словоупотреблений) встречающихся с флексиями *i-основ, наиболее частотны специфические для муж. рода флексии Р. мн. -овъ и М. ед. -у, конкурирующие с внеродовыми флексиями. Варианты типа *садовъ* сравнительно с *садъ* составляют около 95%; варианты типа *търгу* сравнительно с *тързъ* — 94% (конкретные примеры см. [2, с. 28—40]).

Далее по частотности идут специфические для муж. рода флексии, конкурирующие с двуродовыми: среди вариантных словоупотреблений типа *садове* и *сади*, *търгу* и *търга* флексии -ове в И. мн. и -у в Р. ед. составляют соответственно 67% и 62%.

Двуродовая флексия Т. мн. -ъми, конкурирующая с двуродовой же флексией -ы/-и (*чаръми* и *чары*), составляет 59% словоупотреблений. Это значительно ниже средней (73%) частотности словоупотреблений по модели на -i в этой группе слов и связано, наверное, с тем, что флексия -ъми несла с собой сомнительную альтернативу — флективную омонимию муж. рода с полярным ему жен. родом. И уступает, как и следует в связи с четко прослеживающейся закономерностью, конкурирующей двуродовой флексии М. мн. -бъхъ внеродовая (трехродовая) флексия -ъхъ. При вариантности типа *станъхъ* и *станбъхъ* она составляет 41% словоупотреблений.

Другими словами, удельный вес флексий *i-основ у существительных с односложной основой уменьшается в соответствии с уменьшением их родоразличительных возможностей: трехродовые флексии практически вытесняются однородовыми; двухродовые активно замещаются однородовыми; наблюдается относительное равновесие между старыми и новыми двуродовыми флексиями; и прочее всех удерживаются двухродовые флексии в конкуренции с трехродовыми.

Эта зависимость между родоразличительной возможностью флексии и ее употребительностью в письменности (можно, видимо, сказать: ее продуктивностью), даже неожиданная в своей прямолинейности, была проверена на другом лексическом материале — на формах односложных существительных, для которых словоупотребления по модели на *-i менее частотны и составляют от 49 до 15% (в среднем 27%). Это следующие десять слов (в порядке убывания средней частотности словоформ по типу *i-основ): *даръ*, *бродъ*, *удъ*, *врачъ*, *дългъ*, *пълкъ*, *сынъ*, *родъ*, *санъ*, *миръ*. Здесь обнаружено не столь четкое, но в целом аналогичное соотношение вариантов: наиболее высокий удельный вес флексии Р. мн. -овъ (94%) и наиболее низкий — флексии М. мн. -ъхъ (11%), предпочтительность флексии И. мн. -ове (84%) и М. ед. -у (всего 31%, но это выше среднего удельного веса вариантов по типу *i-основ), статистически невыразительные (28%, т. е. соответствующие среднему удельному весу вариантов по типу *i-основ в этой группе лексики) возможности флексии Т. мн. -ъми. Отступает от общей тенденции только флексия Р. ед. -у — менее частотная (она составляет у неодушевленных существительных 16%), чем это прогнозируется ее родоразличительным статусом.

В приведенных процентах отражено около семи тысяч словоупотреблений, и такая очевидная зависимость между родоразличительной возможностью флексии и ее употребительностью, в письменности вряд ли случайна. Во всяком случае несомненно, что для древнерусского периода широкое распространение флексии -у в Р. ед. является лишь частностью в процес-

се взаимодействия парадигмы типа *медь* и *плодь*, и в этом плане оно не выделяется на фоне других морфологических преобразований, связанных с актуализацией грамматического рода в склонении.

2. Флексия *-у* распространяется первоначально среди односложных существительных, поэтому все подсчеты ограничены ими. По нашим наблюдениям, односложность основы — это единственное ограничение, обусловленное характером индуцирующих основ (все существительные на **-й* имели односложную основу). Оно выразительно обнаруживает себя на раннем этапе не только в род. падеже, но во всех падежно-числовых формах.

Мы подчеркиваем регулярные (заурядные) моменты истории род. падежа, вовсе не отрицая неперенных в развитии каждого явления отклонений от общего направления: лексических сближений и подобных. Преимущественное внимание к закономерному здесь понятно: о с о б е н н о с т и генитивных образований на фоне других падежных образований исследованы достаточно обстоятельно. Так, отмечена связь между оформлением в род. падеже и акцентной парадигмой слова, а также лексической семантикой: по мнению С. П. Обнорского, флексия *-у* принимают преимущественно слова с ударением подвижного типа [6]; по мнению А. А. Шахматова, — собирательные, вещественные и отвлеченные [7]³.

Однако попытки поставить явление в общий ряд, вывести связь между флексией и акцентацией или семантикой из характера лексики, имеющей *-у* исконно, вызывают неудовлетворение, и оправданное — хотя бы потому, что уже к началу письменной истории славян парадигма на **-й* как нечто однородное в акцентном, или семантическом, или словообразовательном, или даже в словоизменительном отношении не существовала. В этом плане показательны и доказательны те сложности, которые существуют в определении круга исконных **-й*-основ (из последних работ см. [8, 9]) и их типового словообразовательного значения [10]. Если эту связь вести от индуцирующих основ, то правомерно возникает еще один вопрос: почему акцентологические и семантические их особенности не обнаруживают себя в других взаимодействующих формах, как, например, регулярно обнаруживает себя односложность основы?

Однако отмеченные С. П. Обнорским и А. А. Шахматовым связи реальные, и они вытекают, на наш взгляд, из потребности коммуникативной и структурной (морфологической) — различать числовые формы род. падежа: форму ед. числа и форму дв. числа. Это важное различие. Числовые противопоставления в склонении (в отличие от родовых) выражаются в каждой падежной форме (подробней см. [3]). Это наблюдается и в современном языке — в любом падеже у любого склоняемого слова ед. и мн. число различаются флексией: И. *плод* — *плоды*, Р. *плода* — *плодов*, Д. *плоду* — *плодам*, Т. *плодам* — *плодами*, П. *плоде* — *плодах*. При трехчленной системе числовые противопоставления, как уже отмечалось в лингвистической литературе, распадаются на цепь бинарных оппозиций. По наблюдениям В. И. Дегтярева, единственное число в праславянском языке семантически было противопоставлено двойственному и единственное же — множественному: «Двойственное и множественное различаются по значению и выражению, но не занимают взаимно исключающих позиций... Двойственное и множественное находятся по одну сторону оппозиции единственному числу» [11]. (По сути так же у А. В. Исаченко

³ А. А. Шахматов называл также слова, означающие местность, однако эта семантическая группа, по результатам многих новейших исследований, активности в отношении флексии *-у* не проявляла.

[12], хотя несколько иначе по внутренней иерархии числовых значений.) На формальном уровне эти отношения проявлялись в том, что омонимия противопоставленных числовых форм в системе избегалась (а омонимия взаимно не противопоставленных форм дв. и мн. числа не исключалась, ср.: *дваѣ вѣтви и вси вѣтви*).

По отношению к предмету нашего разговора это означает, что слова, имевшие Р. дв. на -у (т. е. основы на *-о)⁴, оказывались вне сферы влияния флексии Р. ед. -у, если только они не характеризовались ударением подвижного типа, позволявшим дифференцировать формы дв. и ед. числа. Исследователи письменных текстов нередко попадают в ловушку омографов на -у, как примеры образований Р. ед. на -у рассматривают формы дв. числа. В живом произношении такого смещения не должно возникать, иначе это привело бы к нарушению коммуникативных функций языка. У слов с подвижным ударением для дв. числа в род. падеже реконструируется ударение на флексии, в ед. числе оно падало на основу [13]. Это можно проиллюстрировать двумя примерами из акцентированных памятников: *з боку* — Лечебник XVII в. и *из боку* (*прошедый из боку твою*) — История Авраамия Палицына XVII в. [14]. Впрочем, распределение ударения могло быть и другим. Важно, что его подвижность давала возможность различать данные формы. С форморазличительными возможностями ударения связано, на наш взгляд, широкое функционирование флексии -у у слов с ударением подвижного типа, замеченное С. П. Обнорским.

С высказанными здесь позиций получает объяснение общность в развитии род. и местн. падежей, которая, по наблюдениям В. М. Маркова, обнаруживает себя тем заметней, чем больше мы углубляемся в прошлое языка. К отмеченным признакам исконного параллелизма [15, с. 56—60] следует прибавить акцентуацию: совпадение с формой дв. числа накладывало на местн. падеж те же ограничения, что и на род. (Различение по акцентуации род. и местн. на -у — это явление сравнительно более позднее.)

Флексия -у в ед. числе не создавала омонимии числовых форм также у слов, не имевших форм дв. числа, прежде всего у названий неисчисляемых понятий: у собирательных, вещественных и отвлеченных существительных, от которых, кроме форм ед. числа, встречаем в памятниках формы мн. (как, например, *доспехъ* — *доспехи*, *медъ* — *меды*, *ковъ* — *ковы*), но не дв. числа. Этим можно объяснить наблюдающееся ограничение древнерусских новообразований на -у по семантическим признакам и последовательное сохранение флексии -а за названиями предметов, подлежащих счету.

Следовательно, внутренняя пружина, регулирующая лексическое распределение флексий -а и -у при трехчленной системе числовых противопоставлений (т. е. преимущественно в предписьменный период истории языка и в первые века славянской письменности), — чисто структурная, морфологическая, а акцентологические и семантические ограничения в распространении флексии -у — это лишь ее поверхностные проявления. Эта интерпретация позволяет, как нам представляется, непротиворечиво объяснить известные древнейшие факты во всей их неоднозначности, из нее органично вытекают те изменения в соотношении вариантов на -у и -а, которые наблюдаются в дальнейшем, при переходе к двучленной системе числовых противопоставлений.

⁴ У исконных *-й-основ Р. дв. заканчивался на -ову (*медову*), т. е. омонимия ед. и дв. числа в род. падеже здесь не было.

3. С утратой форм дв. числа снимаются, естественно, и ограничения акцентологического характера на распространение флексии -у, что отмечается всеми исследователями, хотя сложившиеся в ранние века морфологические связи в какой-то мере проявляют себя и в последующем: односложные существительные с подвижным ударением остаются в активе гентивных образований на -у⁸.

Для выхода флексии -у за пределы односложных основ и одновременного расширения акцентологических рамок новообразований на -у подвижным, развивающимся основанием послужило отглагольное словообразование. В. М. Марков привлекает внимание к тому факту, что «отглагольное словообразование объединяет в качестве производящих основ как бесприставочные, так и приставочные формы, приводя к возникновению рядов однотипных именных образований (ср.: *ряд* — *наряд*, *заряд*, *уряд*, *подряд* и т. д.; *ход* — *заход*, *отход*, *приход*, *переход* и т. д.)». Таким образом, отглагольное словообразование как средство пополнения словарного состава языка оказывается вместе с тем и средством распространения гентивных образований на -у, представляющих как односложные, так и многосложные основы [15, с. 52] (следует, видимо, также добавить: как в системе форм с подвижным ударением, так и с неподвижным, в подавляющем большинстве основным ударением).

Участие отглагольных имен нулевой суффиксации в распространении флексии -у обеспечивалось также их семантической сущностью. Это отвлеченные существительные с типовым значением действия, допускающим на основе семантического словопроизводства возможность их сближения с различными группами имен, в первую очередь в вещественно-собирабельных, ср.: *доходь*, *запась*, *подмесь*, *нарядь*, *снарядь*, *изгонь*, *искупь*, *прикупь*, *присудь*, *приплодь* и мн. др. [15, с. 53—54].

4. Последнее обстоятельство немаловажно, так как, в отличие от акцентологических, семантические ограничения на распространение флексии -у (ограничения, сформировавшиеся, напомним, на собственно морфологической основе) продолжают действовать и тогда, когда формы дв. числа исчезают. И это не случайно, потому что и утрата дв. числа, и дальнейшее развитие формы род. падежа оказываются связанными с развитием числовой семантики.

Основная тенденция, определившая направление развития гентивных образований в средние века, — это, на наш взгляд, дифференциация грамматических форм существительных нумеральной и анумеральной семантики. Здесь необходим небольшой экскурс в область других проявлений различий между формами слов, обозначающих исчисляемые и неисчисляемые (измеряемые) субстанции, которые в совокупности свидетельствуют о грамматикализации значений исчисляемости/неисчисляемости в истории языка.

На рубеже XIII—XIV вв. в формах числа намечается ряд изменений, которые в развитии выразительно сигнализируют об изменениях в грамматической семантике категории числа и, прежде всего, об актуализации тех различий в лексической семантике существительных, которые связаны с количественной определенностью или неопределенностью (дискретностью/непрерывностью), т. е. исчисляемостью/неисчисляемостью. В самом деле, какой общий признак, кроме неисчисляемости, объединяет

⁸ Односложные существительные вплоть до нового времени шире развивают флексию -у, чем дву- и многосложные. По подсчетам В. Торндаля, те и другие гентивные образования на -у встречаются в текстах в пропорции 6 : 1 [16].

такие различные в лексико-семантическом отношении классы слов, как отвлеченные существительные, с одной стороны, и те из конкретных, которые обозначают вещество, а также собрания предметов, — с другой, обособлявшиеся в грамматическом плане как слова, имеющие лишь одну числовую парадигму?

Исчисляемость/неисчисляемость получает выражение не только в отношении к формам числа, но и на акцентологическом уровне. По наблюдениям А. А. Зализняка, та лишняя «степень свободы» в акцентуационном отношении, которой обладают односложные существительные по сравнению с неодносложными, оказалась использованной для выражения семантического противопоставления по исчисляемости/неисчисляемости. А именно: наосновное ударение в ед. числе наблюдается у неисчисляемых, флекссионное — у исчисляемых [17, с. 80—81]. Эта связь отмечена еще А. А. Шахматовым в следующем беглом замечании: «...Все слова мужского рода с отвлеченным значением не имеют вообще ударения на окончаниях: *верх, задор, отпор* и т. п., напротив, все слова с ударением на окончаниях имеют конкретное значение: *табак, столб, поп, конец* (кроме слов на *-еж*)» [18]. (Это высказывание корректирует А. А. Зализняк [17, с. 85, примеч. 30].) На материале белорусского языка синхроническую связь между акцентуацией слова и семантическим противопоставлением «конкретные единичные предметы», с одной стороны, и «вещества, собирательные и абстрактные понятия» — с другой, отмечает Н. П. Лобан [19]. Наблюдения Т. Г. Хазагерова характеризуют явление в динамике: в ходе исторического развития языка к наосновному ударению в ед. числе переходили обозначения отвлеченных понятий, к флекссионному — названия лиц, орудий, инструментов [20, 21]. Однако, как это справедливо отметил А. А. Зализняк [17, с. 86, примеч. 31], больше оснований имеется рассматривать приводимый Т. Г. Хазагеровым материал в рамках противопоставления по признаку исчисляемости/неисчисляемости.

Таким образом, калпцо грамматическое обнаружение различий между обозначениями исчисляемых и измеряемых субстанций, не столь уж неожиданное на фоне кардинальных формальных изменений в категории числа, так или иначе связанных с усилением ее предметно-логической основы. Кроме формирования класса слов *singularia tantum* и расширения *pluralia tantum*, имеются в виду: утрата форм дв. числа; унификация множественной парадигмы с устранением родовых различий; категориальное обособление счетных слов (формирование числительных), обнаруживаемое в изменении их сочетаемости с существительными, и некот. др.

Использование семантически не мотивированного флективного параллелизма (устранение синонимии флексий *-а* и *-у*) для грамматического разграничения значений исчисляемости/неисчисляемости связано с род. падежом естественной связью, так как для род. падежа количественное значение является одним из главных. С другой стороны, при всех основных средствах обозначения количества так или иначе употребляется форма род. падежа (*много, мало, несколько... + Р. п.; пять, шесть... + Р. п. и т. д.*). В древнерусском языке род. количества был еще более употребительным, так как форма род. падежа употреблялась при счетных существительных, начиная с *пяти*, даже при их склонении: *пять(д) пя(т)ю себидитель* — КР 1284, 300а; *пред(д) -ю послухъ* — МПР XIV, 72об. Не случайно, по-видимому, что и сочетания числительных *два, три, четыре* с существительными в именительном падеже перефор-

мляются в истории русского языка как сочетания с род. падежом⁴.

Связь между исчисляемостью/неисчисляемостью и оформлением род. падежа была отмечена еще М. В. Ломоносовым: по его наблюдениям, колебания в современном ему языке между окончаниями *-а* и *-у* разрешаются в пользу *-а* именно для тех слов, которые подлежат счету, например, *три волоса, четыре закона, три боба, два блина* [23]. А. А. Шахматов выделяет категорию считаемости [22, § 437], морфологическое обнаружение которой, кроме формы род. единственного, видит в некоторых разрозненных проявлениях у разных групп лексем: у единиц счета, имеющих в род. множественного древнюю форму без окончания *-ов* (*аршин, солдат, рекрут, драгун, сапог, чулок, пуд*); в особенностях акцентуации существительных в сочетаниях *два, три, четыре шага, ряда, часа*; в формах мн. числа *человек, куриц, дерев*, употребляемых только после числительных (ср.: *люди, куры, деревья*); в употреблении после числительных слов на *-ина*, означающих единичное понятие (*семь репин, двадцать скотин*). Связь между отсутствием форм мн. числа и флексией *-у* отмечал Л. А. Булаховский: «...Кроме сочетаний наречного типа, род. падеж ед. ч. на *-у* образуют главным образом слова, обычно не имеющие множественного числа. Можно, таким образом, предполагать, что утилизация старого семантически не мотивированного параллелизма пошла по линии выделения особой категории слов, имеющих одно только единственное число. Из вещественных понятий среди *ъ*-основ, вероятно, оказались особо влиятельными *меду, солоду*» [24].

Что касается последнего замечания Л. А. Булаховского, обращения к влиянию отдельных слов, то его следует учитывать в ряду сопутствующих факторов. В основу же противопоставления по исчисляемости/неисчисляемости легли, как это мы пытались обосновать, не лексические, а грамматические абстракции. Возвращаясь к сказанному, логику событий вкратце можно изложить следующим образом. В ходе развития грамматической семантики категории числа (усиления ее предметно-логической основы) получают грамматическое выражение значения исчисляемости и неисчисляемости: в формировании класса слов, имеющих лишь одну числовую парадигму, в закреплении основного ударения за словами, означающими неисчисляемые понятия, также в некоторых других морфологических проявлениях. Для грамматического разграничения значений исчисляемости/неисчисляемости используется также семантически не мотивированный параллелизм флексий *-а* и *-у* в связи с тем, что для род. падежа количественное значение является одним из главных.

5. Какие факты в эволюции генитивных образований склоняют к такой интерпретации?

Проявление все более последовательной грамматикализации значений исчисляемости/неисчисляемости в истории русского языка можно,

⁴ Однако после наделения дв. числа вряд ли правомерно искать причинно-следственную связь между оформлением сочетаний типа *два стола* и сохранением флексии *-а* в кругу считаемых существительных. (Ср. «...*Два клина* представляет старую форму двойственного числа, отсюда *три, четыре клина*; под этим влиянием удерживалось *клина* вместо *клину* и в таких сочетаниях, как *от клина*» [22, § 502]). Скорее, это явления одного порядка: выражение количественных отношений формой род. падежа предопределило и характер эволюции конструкций с числительными *два, три, четыре*, и характер распределения флексий *-а* и *-у*. Ведь в южнорусских говорах, а также в украинском языке в сочетаниях с числительными *два, три, четыре* обобщалась форма им. падежа, а генитивные образования на *-а* и *-у* развивались в том же направлении, что и севернорусские.

как нам представляется, видеть в постепенном ограничении вариантности генитивных форм, т. е. в нарастании лексической распределенности флексий *-а* и *-у*. На протяжении древнего и среднего периода истории русского языка от века к веку меняется соотношение флексий *-а* и *-у*. И дело не столько в неуклонном увеличении удельного веса образований на *-у* в ряду генитивных, сколько в постепенном качественном изменении характера отношений между образованиями на *-у* и *-а*.

В письменности XI—XIV вв., как можно судить по материалам картотеки СДР, три четверти слов, отмеченных с флексией *-у*, встречаются также с флексией *-а*, остальная четверть — это почти исключительно низкочастотные слова, отмеченные в текстах по 1—2 раза. Видимо, почти каждое из слов, оформлявшихся флексией *-у*, могло употребляться и с *-а*. В деловых памятниках XVII в. вариантность флексий наблюдается лишь у 8% слов, знающих *-у*. Если обратиться к материалам, исследованным другими авторами, мы получим несколько иные и разные цифры (что не в последнюю очередь оказывается связанным с жанровыми особенностями исследованных текстов); но постоянным и неизменным остается один показатель: постепенное по векам ограничение вариантности флексий *-а* и *-у*. Например, по нашим подсчетам, сделанным на материале кандидатской диссертации А. Т. Лавриненко [25], вариантность в XI в. свойственна 84% слов, в XVII — 30%, а по векам от XI до XVII: 84% — 67% — 63% — 59% — 52% — 35% — 30%. Аналогичные подсчеты произвел Серенсен: для XVI в. вариантность отмечена у 16% слов, имеющих *-у* (подсчеты сделаны на основании материалов Б. Унбегуна [26]); для XVII в. — у 12% (подсчеты произведены на основании данных Х. Станга [27]) или у 10% слов (по собственным материалам Серенсена) [28]. Совершенно единичны случаи вариантности в обширном списке генитивных образований на *-у* XVII в., приведенном Ф. Кокроном [29].

Налицо явное движение от вариантности к лексическому распределению флексий. Перечисленные исследования опираются на материалы различных жанров, и каждому жанру названная тенденция свойственна. Причем, чем ближе к живой речи, тем распределенность очевидней. Для сравнения мы взяли документы одного и того же времени (XVII в.), одной и той же диалектной территории (Брянск), писанные часто одной рукой, но различные по жанру — бытовые (частные письма [30]) и деловые [31, 32]. В частных письмах встречается 45 слов с флексией *-у* и 41 («неодушевленное») с флексией *-а*, но ни одного случая вариантности флексий *-а* и *-у* у одного и того же слова. В деловых документах столь четкой распределенности не наблюдается, хотя процент вариантных форм и очень низок (8%).

При этом обращает на себя внимание характер лексики, представленной вариантными образованиями. Это, как правило, семантически разошедшиеся образования: один вариант употребляется в исчисляемом, а другой — в неисчисляемом значении. Причем неисчисляемому значению, как правило, соответствует флексия *-у*, а исчисляемому *-а*. Типичные примеры: в значении «строительный материал» употребляется форма *леску* (да мл(с)ти прошу Дм(т)ре(н) Иван(и)ч(у) *лес(с)ку* на хоромное строе(н)ѣ [30, ГИМ—7]), в значении «участок земли, поросший деревьями» — регулярно *леска: о(т) лезька (!) вни(з) по Страпа(в)ская болота 1654 [24, № 10098].* Значению действия от глагола *приходить* соответствует словоформа *приходу*: хотя тѣ(м) о(т)бы(т) своего почного *приходу* 1697 [32, ед. хр. 6, л. 327а]. В значении административно-хозяйственной единицы употребляется словоформа *прихода*: па(т)риарши дани

плати(т) с цркви *прихода* своего [30, ГИМ—13]. Аналогично: *можу* куплено — ото(м)ха ручико(м); куплено *дубу* — о(т) дуба по кове(ц) бору; прикуплено *лѣсу* — на краі *лѣса* ду(б). Последние примеры — из южнорусских отказных и таможенных книг XVII в. На семантическую дифференциацию морфологических вариантов обратила внимание Н. Д. Ахвледиани [33].

Эти установленные на материале средних веков отношения в употреблении флексий *-а* и *-у* перекликаются с современными отношениями в области акцентуации односложных существительных, о которых уже говорилось (см. п. 4). Чрезвычайно показательны также колебания в ударении односложных существительных и отступления от принципа семантической распределенности акцентных схем. Они совершенно идентичны тем колебаниям и отступлениям, которые наблюдаем на старорусском материале в сфере распределения флексий *-а* и *-у*. Так, если слово возможно в двух значениях (исчисляемом и неисчисляемом), трудности разрешаются или закреплением за исчисляемым и неисчисляемым значениями разной акцентуации (*хлѣстѣ* — *хлѣбѣсту*, *скотѣ* — *скотѣу* и т. д.) или — чаще — акцентуации основного значения. При этом, как и у старорусской флексии, в современном просторечии обнаруживается тенденция к более последовательному соблюдению акцентных различий между неисчисляемыми и исчисляемыми значениями [17].

Изменения в числовой семантике, обусловившие развитие генитивных образований, — это общевосточнославянский, а не собственно русский процесс. Поэтому закономерно ожидать общее в эволюции род. падежа в восточнославянских языках. Здесь уместно сослаться на данные украинского языка, сохраняющего, по мнению А. А. Шахматова [34], отношения средних веков наиболее консервативно.

В староукраинской письменности наблюдается постепенное нарастание лексической распределенности в употреблении флексий *-а* и *-у*, совершенно аналогичное отмечавшемуся по отношению к старорусской письменности. Следуя материалам А. Т. Лавриненко [25], для XV в. устанавливаем вариантность у 19% слов, имеющих *-у*, для XVI в. — у 14%, для XVII в. — у 12%. В отличие от русского языка, украинский сохраняет эти отношения и в новый период. Так, флексию *-у* в современном украинском языке имеют в основном названия неисчисляемых понятий — слова абстрактной семантики, вещественные и собирательные, не имеющие форм мн. числа; употребление флексий *-а* и *-у*, в отличие от русского языка, синтаксически не обусловлено; вариантность крайне ограничена. Широко и выразительно семантическая обусловленность обнаруживается в дифференциации по флексии конкретных (исчисляемых) и абстрактных или вещественно-собирательных (неисчисляемых) существительных-омонимов: *липцѣ* (июль), но *липцю* (мед), *листвѣ* (письмо) — *листу* (лист); академическая грамматика украинского языка приводит широкие ряды таких слов [35].

Таким образом, в истории русского, как и в истории украинского языка, постепенно нарастает лексическая распределенность флексий *-а* и *-у*. На фоне параллельных явлений в акцентуации ее можно рассматривать в русле грамматикализации значений исчисляемости/неисчисляемости. В XVII в. вариантность надежных образований на *-а* и *-у* мнимая. Это время можно считать моментом наиболее последовательного разграничения значений исчисляемости/неисчисляемости в форме род. падежа ед. числа.

6. Лексическая распределенность флексий *-а* и *-у*, незначительная

вариантность соответствующих образований без очевидных признаков синтаксической обусловленности вариантов (последнее отмечают многие исследователи текстов XVII в., см. [28, 36 и др.]) не позволяют говорить по отношению к этому периоду о существовании особого партитивного падежа наряду с собственно род. (со значением отношения, принадлежности и т. д.), ср. [25, 37]. Грамматическое оформление партитивного значения проявлялось в основном позднее в постепенном сужении сферы употребления флексии *-у* до значения части, т. е. в вытеснении ее флексией *-а* в других значениях и соответственно в расширении вариантности типа *воску* — *воска*. В связи с этим внимание привлекают наблюдения Серенсева над языком северных деловых (следовательно: далеких от книжно-славянской традиции) документов. Он отмечает в них существенный сдвиг в употреблении форм на *-у* и на *-а* между 50 и 70-ми годами XVII в. — нарастание форм на *-а*, а вместе с этим и вариантности типа *атласу* — *атласа*. Московские же документы этого времени еще сохраняют сложившиеся ранее отношения [28]. Многочисленные случаи грамматической замены *-у* на *-а* отмечаются с середины XVII в. Л. А. Андреевой в языке частных дневников путешествий [38]. Это позволяет предполагать внутривидовые предпосылки отмеченных изменений, а не только влияние литературной нормы, опирающейся на книжно-славянскую традицию. Предстоит решить: как связаны они с развитием грамматической семантики категории числа? На такую постановку вопроса наталкивают и существенные сдвиги в истории числовых форм собирательных существительных (отмеченные в литературе [39]), которые приходится на рубеж XVII и XVIII вв. Но это уже предмет дальнейшего исследования проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иорданиди С. И., Шульга М. В. Морфологическое выражение категории рода в истории русского языка // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981. М., 1984.
2. Шульга М. В. Парадигма типа *медь* в древнерусской письменности // Исследования по исторической морфологии русского языка. М., 1978.
3. Шульга М. В. Унификация русского субстантивного склонения с точки зрения структуры родовых и числовых противопоставлений // ВЯ. 1983. № 2.
4. Шульга М. В. Из истории древнеславянских флексий *-омь/-емь* и *-ьмь/-ьмь* (творительный пад. ед. ч. м. и ср. рода) // Лингвистическая география и проблемы истории языка: Материалы Шестого всесоюзного совещания по общим вопросам диалектологии и истории языка, посвященного 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Ч. 2. Нальчик, 1981.
5. Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. (Введение, инструкция, список источников, пробные статьи) / Под ред. Аванесова Р. И. М., 1966. С. 90—169.
6. Обнорский С. П. Именное склонение в современном русском языке. Вып. 1. Единственное число. Л., 1927.
7. Шахматов А. А. Историческая морфология русского языка. М., 1957.
8. Эккерт Р. Основы на *-й-* в праславянском языке // Уч. зап. Ин-та славяноведения. 1963. Т. 27.
9. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М., 1974. С. 241.
10. Панченко Е. А. Индоевропейский суффикс **-en-* / *-й-* и праславянские *й-* основы // Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. 1982. № 1.
11. Дегтярев В. И. Категория числа в славянских языках (историко-семантическое исследование). Ростов н/Д. 1982. С. 38.
12. Исаченко А. В. О грамматическом значении // ВЯ. 1961. № 1. С. 39 (примеч. 37).
13. Зализняк А. А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. С. 141. Табл. 3.
14. Колесов В. В. История русского ударения. Л., 1972. С. 131.
15. Марков В. М. Историческая грамматика русского языка: Именное склонение. М., 1974. С. 52.

16. *Thorndahl W.* Genetivens og lokativens -y/-ю-endelse i russiske middelaldertekster. København, 1974.
17. *Зализняк А. А.* Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
18. *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. 4-е изд. М., 1941. С. 129.
19. *Лобан Н. П.* Напіск у вазоўніках з невытворнай асновай у сучаснай беларускай літаратурнай мове // Пр. І-та мовазнаўства Вып. IV. Мінск, 1957.
20. *Хазангеров Т. Г.* Развитие типов ударения в системе русского именного склонения. М., 1973. С. 87.
21. *Хазангеров Т. Г.* Ударение как средство дифференциации грамматических форм // ВЯ. 1973. № 4. С. 104.
22. *Шахматов А. А.* Синтаксис русского языка. М., 1941.
23. *Ломоносов М. В.* Российская грамматика // Полн. собр. соч. Т. 7. М.—Л., 1952. § 179.
24. *Будаловский Л. А.* Курс русского литературного языка. 4-е изд. Т. 2. Киев, 1953. С. 123—124.
25. *Лавриненко А. Т.* История вариантных флексий родительного падежа единственного числа имен существительных мужского рода -а/-я и -у/-ю в русском и украинском языках: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1975.
26. *Unbegaun B.* La langue russe au XVIe siècle (1500—1550). P., 1935.
27. *Stang Chr.* La langue du livre «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей 1647». Oslo, 1952.
28. *Sørensen H.* Zum russischen Genitiv auf -a und -y im 17. Jahrh // Scando-slavica. 1958. T. IV.
29. *Cocron F.* La langue russe dans la seconde moitié du XVIIe siècle (morphologie). P. 1962. P. 36.
30. *Котков С. И., Панкратова Н. П.* Источники по истории русского народно-разговорного языка XVII — начала XVIII века. М., 1964.
31. Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Ф. № 161.
32. Отдел письменных источников Государственного исторического музея. Ф. № 88.
33. *Азалевиани Н. Д.* Нормы словоизменения имен существительных в русском приказном языке XVII века: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1983.
34. *Шахматов А. А.* Историческая морфология русского языка. М., 1957. С. 248.
35. Сучасна українська літературна мова. Кн. 2. Київ, 1962.
36. *Хабургаев Г. А.* К истории форм родительного и предложного падежей единственного числа с окончанием -у // Уч. зап. Белгородского гос. пед. ин-та. 1961. Т. 3. Вып. 2. С. 169.
37. *Горшкова К. В., Хабургаев Г. А.* Историческая грамматика русского языка. М., 1981. С. 185.
38. Грамматическая лексикология русского языка. [Казань], 1978. С. 85—86.
39. *Еселевич И. Э.* Из истории категории собирательности в русском языке [Казань], 1979. С. 31, 93—95.